

Молодёжная политика и воспитательная деятельность в российских университетах: этапы развития и ключевые противоречия

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20

Смирнов Владимир Алексеевич – д-р социол. наук, доцент, глав. науч. сотрудник Управления научно-исследовательской деятельности, ORCID: 0000-0003-1228-9318, SPIN: 9464-8949, kano_igt@mail.ru

ФГБОУ ВО Костромской государственный университет, Кострома, Россия
Адрес: 156002, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17

***Аннотация.** В условиях эскалации геополитической напряжённости, усиления информационного противостояния важным фактором сохранения российского государства является системная деятельность по социальной интеграции молодого поколения, развитию у него адекватных гражданских установок и ценностей. По мнению автора статьи, сегодня наблюдается изменение модели реализации государственной молодёжной политики, фокус внимания которой всё больше переносится на систему образования, включая российские университеты. В этой связи важной исследовательской задачей является анализ моделей молодёжной политики и воспитательной деятельности в российских университетах. Целью статьи является анализ установок топ-менеджмента российских вузов в отношении организации молодёжной политики и воспитательной деятельности в университете.*

Статья основана на серии глубинных интервью, проведённых с руководством российских вузов в июле–сентября 2022 года. В ней предложены критерии для анализа эффективности воспитательной работы со студентами, представлена типология моделей такой работы в российских университетах в разные исторические периоды, выделены основные дисфункции реализации молодёжной политики в российских университетах на современном этапе. В завершении автором предложено несколько ключевых принципов, позволяющих повысить эффективность молодёжной политики и воспитательной деятельности в университете как важного механизма социальной интеграции молодого поколения.

Ключевые слова: молодёжь, молодёжная политика, университет, воспитательная деятельность

Для цитирования: Смирнов В.А. Молодёжная политика и воспитательная деятельность в российских университетах: этапы развития и ключевые противоречия // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 5. С. 9–20. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20

Youth Policy and Educational Activities in Russian Universities: Stages of Development and Key Contradictions

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20

Vladimir A. Smirnov – Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Senior Researcher of the Research Department, ORCID: 0000-0003-1228-9318, SPIN: 9464-8949, kano_igt@mail.ru

Kostroma State University, Kostroma, Russia

Address: 17 Dzerzhinskogo str., 156002, Kostroma, Russia

Abstract. In the context of escalating geopolitical tensions, increasing information confrontation, an important factor in the preservation of the Russian state is systematic activity for the social integration of the younger generation, the development of adequate civic attitudes and values. According to the author of the article, today there is a change in the model of implementation of the state youth policy, the focus of which is increasingly shifting to the education system, including Russian universities. In this regard, an important research task is the analysis of models of youth policy and educational activities in Russian universities. The purpose of the article is a brief overview of the historical models of student education in our country, as well as an analysis of the attitudes of the top management of Russian universities regarding the organization of youth policy and educational activities at the university.

The article is based on a series of in-depth interviews conducted with the leadership of Russian universities in July–September 2022. It offers criteria for analyzing the effectiveness of educational work with students, presents a typology of models of such work in Russian universities in different historical periods, highlights the main dysfunctions of youth policy implementation in Russian universities at the present stage. In conclusion, the author proposed several key principles to improve the effectiveness of youth policy and educational activities at the university as an important mechanism for the social integration of the younger generation.

Keywords: youth, youth policy, university, educational activities

Cite as: Smirnov, V.A. (2023). Youth Policy and Educational Activities in Russian Universities: Stages of Development and Key Contradictions. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 32, no. 5, pp. 9-20, doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Современная геополитическая ситуация, продолжающаяся эскалация риска и неопределённости приводят к актуализации молодёжного вопроса, основным содержанием которого является использование потенциала молодого поколения для развития российского государства. Дискурс воспитания патриотизма и гражданственности детей, подростков и молодёжи становится лейтмотивом публикаций СМИ, публичных выступлений политиков

и общественных деятелей. «Вопросы, связанные с воспитанием подрастающего поколения на основе ценностей патриотизма, уважения к отечественной истории и культуре, по праву находятся в числе значимых общенациональных задач, реализации которых государство неизменно уделяет приоритетное внимание»¹.

¹ Владимир Путин назвал воспитание школьников общенациональной задачей. URL: <https://lenta.ru/news/2022/05/17/vospitanie/> (дата обращения: 23.01.2023).

В попытке преодолеть последствия массовой нелояльности 90-х годов прошлого века российское государство в последние годы осуществляет активную деятельность, направленную на институционализацию воспитательной деятельности в российских школах и университетах.

Во-первых, в 2020 году были приняты поправки к закону «Об образовании», направленные на интеграцию в образовательный процесс системной воспитательной деятельности². Такая интеграция должна осуществляться через включение в образовательный процесс рабочей программы воспитания и реализацию календарного плана воспитательной работы. Изменение в законодательстве привело к тому, что во всех образовательных организациях были внедрены типовые программы воспитания.

Во-вторых, в российских школах в 2021 году была введена должность советника директора по воспитанию, который должен осуществлять идеологическое и методическое обеспечение воспитательного процесса в образовательной организации³. Не менее важным в данном аспекте является и попытка Министерства науки и высшего образования РФ регламентировать воспитательную работу в университетах через рекомендацию подведомственным вузам ввести должность проректора по воспитанию⁴.

² Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся». URL: <https://rg.ru/documents/2020/08/07/ob-obrazovanii-dok.html> (дата обращения: 23.01.2023).

³ Должность советника директора по воспитанию будет введена в перечень должностей педагогических работников. URL: <https://edu.gov.ru/press/4283/dolzhnost-sovetnika-direktora-po-vospitaniyu-budet-vvedena-v-perechen-dolzhnostey-pedagogicheskikh-rabotnikov> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴ Минобрнауки рекомендовало всем вузам ввести должность проректора по воспитанию.

В-третьих, создано новое общественно-государственное объединение Российское движение детей и молодёжи «Движение Первых»⁵, которое главным образом ориентировано на учащихся образовательных организаций всех уровней.

Наконец, в конце 2022 года прошло заседание Государственного совета, в рамках которого Президент РФ утвердил целый ряд поручений, направленных на повышение эффективности молодёжной политики и воспитательной деятельности в нашей стране⁶.

Все перечисленные элементы государственной политики позволяют сделать вывод о том, что её разработчики существенным образом скорректировали модель работы с молодым поколением. Если в 90-е годы ключевым субъектом молодёжной политики являлись государственные и муниципальные органы по делам молодёжи с развитой сетью молодёжных служб и центров, а в 2000-е делались попытки создания массовых политизированных молодёжных движений (наиболее известным проектом было движение «Наши»), то очевидно, что сегодня важнейшим институтом социализации и воспитания становится система образования.

Молодёжная политика и воспитание молодого поколения традиционно находятся в фокусе внимания как западных, так и российских исследователей. В рамках западной социологии активно развиваются концепции де-стандартизированного транзита молодёжи [1] и индивидуализации траекторий такого перехода [2], при этом молодёжная политика рассматривается как социальный

URL: <https://tass.ru/obschestvo/14643681> (дата обращения: 23.01.2023).

⁵ Закон о российском движении детей и молодёжи. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/68897> (дата обращения: 23.01.2023).

⁶ Перечень поручений по итогам заседания Госсовета. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421> (дата обращения: 23.01.2023).

механизм его сопровождения. Сегодня целый ряд исследователей указывает на то, что современные модели молодёжной политики являются чрезмерно ригидными и недостаточно адаптированными к сложным траекториям перехода молодого поколения из детства во взрослость [3]. Российские социологи, исследуя транзит молодого поколения, рассматривают его через призму влияния на него государственных программ и проектов [4], государственного мобилизационного [5] и проблемно-ориентированного [6] дискурсов, различного рода социальных девиаций, таких, например, как молодёжный экстремизм [7]. Говоря о молодёжной политике российского государства, социологи обращают внимание на отсутствие в ней инклюзии [8], рассогласование уровней её реализации [9], недостаточной проработанности нормативно-правовой базы [10], имитационном характере отдельных проектов и программ [11], воспроизводстве технологий манипулирования молодёжью [12].

Реализация молодёжной политики и воспитательной деятельности в российских университетах во многом обусловлена социальными установками её акторов, к числу которых можно отнести ректоров и проректоров вузов. Именно их дискурсивные конструкции становятся ключевыми при определении инструментов и технологий работы с молодёжью в каждом конкретном вузе. Позиция топ-менеджмента российских университетов является своеобразным зеркалом, через которое отражается федеральная молодёжная повестка.

Отметим, что в дискурсе университетских чиновников понятия «молодёжная политика», «воспитательная работа (деятельность)», «внеучебная работа» чаще всего слабо дифференцируются. Также очевидным является тот факт, что Министерство науки и высшего образования РФ и Федеральное агентство по делам молодёжи «Росмолодёжь» в последние годы

осуществляют усилия по их интеграции⁷. Именно поэтому в данной статье для описания внеучебной работы университетов со студенчеством автор использует термин «молодёжная политика и воспитательная деятельность (МПиВД)».

Таким образом, целью статьи является анализ установок топ-менеджмента российских вузов в отношении организации молодёжной политики и воспитательной деятельности в университете.

Информационная база исследования

Статья основана на серии глубинных интервью с ректорами, проректорами и руководителями специализированных управлений и отделов, курирующих молодёжную политику и воспитательную деятельность в российских университетах. Общее количество информантов составляет 48 человек, из них: ректоры – 18 человек, проректоры по молодёжной политике и воспитательной деятельности – 22, начальники управлений (отделов) по молодёжной политике и воспитательной деятельности – 8. С точки зрения статуса университетов, информанты распределены следующим образом:

- федеральные университеты – 2 человека;
- национальные исследовательские университеты – 5 человек;
- участники программы «Приоритет 2030» – 15 человек;
- участники программы «Опорные университеты» – 10 человек;
- университеты Москвы и Санкт-Петербурга – 3 человека;
- другие университеты – 13.

Глубинные интервью проводились как в очном формате, так и с использованием дистанционных технологий, что не повлияло на содержание и качество полученных данных.

⁷ В Москве представили обновлённые принципы развития молодёжной политики и воспитательной деятельности в вузах. URL: https://zen.ru/a/Y53yWWN8Ige_SKpB (дата обращения: 23.01.2023).

Выборка исследования формировалась как целевая. Была сделана попытка стратификации информантов с точки зрения статуса учебного заведения, его включённости в те или иные федеральные программы и проекты, в которых университетская молодёжная политика выступает как особое направление.

Анализ интервью проводился методом открытого кодирования, в статье выборочно использованы интерпретации информантов в отношении «взглядов на молодёжную политику и воспитательную деятельность в университете», «роли студентов в университете», «роли преподавателей в воспитании молодого поколения».

МПиВД глазами руководителей российских университетов

С момента своего возникновения университет позиционировал себя и воспринимался внешней средой как институт преобразования человека. Идея трансформации человека, попавшего в университетскую среду, имплицитно или явно встроена практически во все нормативные документы последних столетий [13]. При этом сама эта идея тесным образом связана с воспитанием личности как «вращиванием человека в процессе планомерного создания условий для его позитивного (с точки зрения общества и государства) развития и духовно-ценностной ориентации» [14, с. 8].

Говоря о моделях МПиВД важно отметить, что термин «молодёжная политика» вошёл в массовый общественный дискурс в нашей стране лишь в конце 90-х годов прошлого века. Тем не менее имплицитно молодёжный вопрос актуализировался российским государством неоднократно, особенно в периоды резкой радикализации молодёжи и студенчества.

Автор выделяет три критериальных континуума, позволяющих описать возможные модели реализации МПиВД в университете.

1. *Континуум «открытость – закрытость»* университета является важным для понимания модели воспитания студента,

которое осуществляется либо в замкнутом социокультурном пространстве, либо в открытом, включающем не только академию, но и городскую среду с её различными социальными и повседневными практиками, государственную политику, деятельность общественных институтов, которые становятся механизмом преобразования молодого человека.

2. *Континуум «стихийность – целенаправленность»* воспитания позволяет оценить степень стихийности работы по преобразованию молодого человека. Операционализировать данный критерий представляется возможным не только через наличие чётко сформулированных целей воспитания, но и через оценку степени синхронизации официального государственного и университетского дискурса, а также поведенческих практик преподавателей, являющихся ключевыми агентами влияния на молодого человека в ситуации взаимодействия «лицом к лицу».

3. *Континуум «субъектность – объектность»* студента задаёт важное пространство для осмысления моделей МПиВД через призму включённости студента в процесс самопреобразования, его участие в реальном управлении университетом.

Опираясь на выделенные критерии, проанализируем установки топ-менеджмента российских университетов в отношении молодёжной политики и воспитательной деятельности.

Университет и региональная среда: модели взаимодействия

Начиная с актуализации «третьей миссии» [15], университет сегодня всё больше позиционируется как открытая система, как «точка сборки» всех молодёжных проектов на региональном, межрегиональном и федеральном уровнях. Однако, как показывает проведённое исследование, зачастую такая интеграция университета во внешнюю среду рассматривается информантами либо как избыточная, либо как формальная, лишённая единого смысла и содержания.

Чаще всего в высказываниях информантов взаимоотношения с внешней средой носят механистический характер. Можно условно выделить две модели таких отношений. Первая – *обмен ресурсами*. Университет предоставляет вовне студентов, спикеров и т. д., региональные институты, например, финансируют поездки на форумы и т. д.

«У нас очень хорошие отношения, даже настолько, что звоню и говорю: «Очень нужен автобус свозить студентов в Выборг», и дают автобус, то есть у нас идёт поддержка финансового характера от комитетов в том числе...»

«У нас есть сотфудник, через которого наши студенты привлекаются для мероприятий, которые проводит управа. Если есть нужды у университета, то можем обратиться в управу, по возможности тоже помогают, например, предоставлением площадок».

Модель обмена ресурсами имеет важное ограничение. Она не предполагает содержательной, методологической и технологической синхронизации активностей, реализуемых различными государственными институтами, что ведёт к потере общего фокуса социализирующего воздействия на молодое поколение. Не менее важно и то, что в такой модели студенчество становится ресурсом, который в лучших традициях «академического капитализма» представляет собой предмет конкуренции различных «рыночных» агентов, реализующих проекты в сфере МПиВД. Объективация студента, имплицитно заложенная в описываемую когнитивную модель, рано или поздно потребует своего переосмысления, и топ-менеджменту российских университетов «придётся увидеть в студентах важных участников образовательного процесса – чтобы опереться на энергию молодёжи в борьбе с авторитарными порядками, коррупцией и кумовством, укоренившимися во

многих российских учреждениях высшего образования» [16, с. 32].

В рамках второй модели университет выступает как *провайдер событий и мероприятий государственной молодёжной политики*.

«У нас вообще с нашим региональным министерством достаточно активное взаимодействие, и если у них есть активности, то мы всегда принимаем в них участие».

В данном контексте университет выступает как локальность, в которой и содержание, и технология МПиВД задаются извне и структурируются календарём событий, например Федерального агентства по делам молодёжи. Это не значит, что сам университет не генерирует какие-либо активности, но чаще всего они носят второстепенный характер и ориентированы на какие-то локальные университетские события, праздники и т. д.

Главная дисфункция этой модели – это утрата разнообразия в реализации МПиВД, невозможность вовлечь в федеральные и региональные проекты многих студентов.

Тем не менее, сегодня государственная политика всё больше ориентирована именно на эту модель. И в этой ситуации важным представляется сохранение разумного баланса между общими для всей страны проектами и локальными инициативами отдельных университетов, студенческих сообществ, преподавателей.

Таким образом, в большинстве случаев университеты позиционируются руководством как «открытые системы», ориентированные на выстраивание взаимодействия с внешней средой. Технологически такое взаимодействие требует серьёзной реновации, но сам факт подобной открытости является основой для новой модели МПиВД в университетах. При этом подчеркнём тот факт, что подобная открытость должна носить двусторонний характер. Университет может выступать субъектом политики в от-

ношении всей молодёжи, проживающей на территории региона. Такой подход позволит включить в различного рода проектные активности не только студенчество, но и слабо организованные когорты молодых людей. Как справедливо отмечается в целом ряде исследований, сегодня «почти без внимания остаются те молодые люди, которые оказываются вне организованных структур – вузов и общественных организаций» [10, с. 270]. Модель реализации региональной молодёжной политики, где главным актором выступает университет, позволит частично устранить подобный дефицит.

Преподаватель как агент социализации молодёжи

Значимым агентом социализации молодого человека во время его обучения в университете является преподаватель.

Анализируя российский опыт воспитательной деятельности, важная роль отводится преподавателю, который может выступать как в роли сторонника, так и в роли оппонента официальному университетскому, а значит, и государственному дискурсу. Именно преподаватель в ситуации повседневного взаимодействия «лицом к лицу» с молодым человеком может существенным образом влиять на его ценности, диспозиции, поведение. Значимая роль преподавателя осознаётся большинством информантов, которые указывают, что последние не имеют единой идеологической и ценностной основы при взаимодействии со студентами.

«...если преподаватели не в «зоне» влияния проректора по воспитательной работе и молодёжной политике, это не значит, что они не формируют ценности студентов, не влияют на студентов или не участвуют в воспитательной работе. Они участвуют. Поскольку они ценностно и идеологически не объединены, то каждый транслирует свою позицию: жизненную, экспертную, которую он сформировал за годы своей жизни».

На сегодняшний день отсутствует единая схема вовлечения преподавателей в воспитательную деятельность. Как показывают проведённые интервью, доминирующим механизмом работы с преподавателями является попытка сформировать «когарту активистов», которые готовы транслировать университетские ценности студентам и вовлекать их в социально одобряемые виды деятельности, фактически становясь наставниками студенческих сообществ.

«Мы нашли преподавателей, которые являются лидерами общественного мнения, с хорошей гражданской позицией, которые готовы даже без каких-то систем мотивации, финансовых особенно, заниматься студентами. Только так: находить преподавателей – лидеров общественного мнения, за которыми идут студенты...»

Сегодня отсутствует единый механизм формирования таких «когарт». Одни университеты идут по пути выстраивания единой иерархической системы, вводя должности заместителей деканов (заведующих кафедрами) по воспитательной работе, другие же стараются опираться на неформальную проектную активность преподавателей, формируя вокруг них студенческие сообщества и группы.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что университетский преподаватель концептуализируется информантами как фигура достаточно амбивалентная. С одной стороны, большинство экспертов рассматривают его как значимого агента социализации молодёжи, с другой – ни один из опрошенных не продемонстрировал системного подхода к вовлечению преподавателей, в том числе и молодых, в МП и ВД в университете. По мнению автора, такая ситуация связана с несколькими факторами.

Во-первых, исследования российских социологов демонстрируют, что сегодня сообщества преподавателей университетов

слабо интегрированы и достаточно разрознены [17]. Это приводит к невозможности, как и в случае со студентами, использовать единый социальный механизм их вовлечения в МПиВД. При этом очевидно, что технологии прямого идеологического воздействия на молодых преподавателей университетов, использованные в рамках молодёжных форумов в 2016 году (например, «Территория смыслов»)⁸ оказались малоэффективными, что косвенно подтверждается тем фактом, что в последующие годы подобные масштабные проекты больше не реализовывались.

Во-вторых, в структуре жизнедеятельности преподавателей общественная активность, готовность участвовать в различного рода социальных, волонёрских, гражданских проектах составляют менее 9% [17]. Это несомненно влияет на их мотивацию к участию в реализации МПиВД в университете, особенно если учесть, что чаще всего эта деятельность носит безвозмездный характер.

В-третьих, за годы «академического капитализма» были утеряны многие социальные технологии формирования ценностей, жизненных принципов, патриотизма и гражданственности в рамках образовательного процесса. Новые когорты университетских преподавателей не имеют достаточных компетенций для того, чтобы проектировать образовательный процесс как систему, результатом которой становится не только приращение профессиональных и личностных компетенций, но и развитие ценностей у студентов.

Таким образом, университеты сегодня представляют собой в большей степени стихийные пространства социализации молодых людей, внутри которых официальный дискурс администраций соседствует с противоречивыми установками преподавателей, транслирующих их в студенческую среду в ситуации взаимодействия «лицом к лицу».

⁸ На «Территории смыслов» историков сменяют политики. URL: <https://zebra-tv.ru/novosti/jizn/na-territorii-smyslov-istorikov-smenyayut-politiki/> (дата обращения: 23.01.2023).

Декларативная субъектность студенчества

Значимым аспектом МПиВД, как уже неоднократно отмечалось, является позиция студента в университете. В этой связи представляется важным проанализировать концептуализации студенчества, репрезентированные в высказываниях информантов.

Проведённое исследование позволяет проявить определённую амбивалентность в восприятии студенчества. На уровне публичного дискурса большинство информантов говорят о студенте как о субъекте деятельности, акторе университетской МПиВД.

«...студент должен являться субъектом деятельности, не предметом деятельности университета, а субъектом, это значит, что... он должен принимать участие в этой лепке из себя будущего гражданина, профессионала и т.д.»

В то же время декларация субъектной позиции студенчества не мешает информантам актуализировать тему «социальной инфантильности» молодого человека, его неготовности принимать решения, неспособности действовать самостоятельно, без участия «взрослого».

«У нас создан волонёрский корпус, руководителем является студентка, но у нас есть наставник из числа сотрудников управления, который помогает с точки зрения администрации... То же самое с какими-то творческими коллективами, они существуют самостоятельно, но в обязательном порядке есть человек, наставник, который курирует эту деятельность».

Феномен социального недоверия молодёжи проявляется не только на уровне дискурсивного сознания топ-менеджмента российских университетов. Тема «объектности» молодого человека широко представлена в различного рода нормативно-правовых до-

кументах, регламентирующих реализацию молодёжной политики в нашей стране. Так, например, проведённый российскими социологами анализ стратегического документа «Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года» позволил им сделать вывод о том, что в контексте данного документа молодой человек рассматривается как объект воздействия, вовлечения, воспитания («Речь опять идёт о том, что кто-то «важный» будет молодёжь воспитывать» [10, с. 270]), но вовсе не как субъект своей жизнедеятельности.

Таким образом, говоря о субъектной позиции студента, о важности развития его автономности и самоуправления, значительное число информантов имплицитно рассматривают молодого человека как условно компетентного и самостоятельного, как того, кого требуется наставлять, сопровождать и т. д.

Ещё один, зафиксированный в ходе исследования, феномен был назван автором «плоский студент». В своих рассуждениях информанты рассматривают молодого человека, попавшего в университет и несущего в себе все особенности молодого поколения, главным образом, через призму его социального статуса. Это приводит к его схематизации, рассмотрению его в структурно-функциональной парадигме, как носителя определённого набора ролей. Представителям администраций университетов молодой человек не интересен в своей нормальности и повседневности. Он «появляется на радаре», только либо если он вовлечён в университетские активности, и тогда он становится «флагом», «гордостью», «тем, чем можно отчитываться», либо если он резко выходит за рамки норм, демонстрируя девиантное поведение. Студент (в своей основной массе) — «плоский», «чёрно-белый», лишённый акцентов, в лучшем случае «статистический», собранный на основе различного рода мониторингов, анкет, опросов.

Объективация студента, попытка рассмотрения его через оптику университетских

активностей, приводит к тому, что, по оценкам информантов, в ареал воспитательной работы вовлечено не более 25% обучающихся, что, несомненно, не позволяет решать задачи развития гражданственности молодёжи и её социальной интеграции. Другими словами, государство, рассматривая университет как пространство концентрации молодёжи, в действительности «может увидеть» лишь четверть молодых людей, включённых в те или иные федеральные, региональные или университетские проекты.

Противоречия современной модели МПиВД

Сложившаяся сегодня в сознании топ-менеджмента вузов модель МПиВД ценностно тяготеет к советской системе воспитания. Открытость университета для государственной идеологии, проектов и активностей сочетается в сознании информантов с объективизацией студенчества, с низким уровнем социального доверия ему, с возрастающим стремлением создать единое ценностно-идеологическое пространство преподавателей, которые могли бы стать важными агентами преобразования личности обучающихся.

Каковы противоречия такой модели?

Во-первых, поскольку студенчество слабо вовлечено в процесс проектирования МПиВД в университете (объективация студента), то зачастую предлагаемые форматы ему не интересны и не востребованы им. При этом, учитывая сохраняющуюся позицию преподавателей, предлагающих фокусироваться на обучении, студенту бывает сложно увидеть МПиВД как вид деятельности, дополняющий его профессиональное и личностное развитие.

Во-вторых, воспроизводство в университетах «социального инфантилизма», чрезмерная опека со стороны «взрослых» приводит к тому, что молодой человек оказывается в ситуации когнитивного диссонанса. С одной стороны, он может работать и нести полноценную ответственность за результаты труда, командный продукт, удовлетворённость

клиента и т. д. (вне стен вуза), с другой – в университете он по-прежнему остаётся в позиции «опекаемого». Такая ситуация приводит к тому, что важные для жизни компетенции осваиваются за пределами университета, а последний рассматривается лишь через призму образовательного трека.

В-третьих, модель взаимодействия университета и внешней среды сегодня не предполагает синхронизации воспитывающего воздействия. В этой связи студент становится объектом конкуренции между агентами социализации. Более того, университет сегодня, за редким исключением, не является и «институтом координации» региональной МПивД, направленной не только на студенчество, но и на молодёжь территории в целом.

В-четвёртых, поскольку задачи профессорско-преподавательского состава не синхронизированы с задачами воспитания, происходит размывание смыслов, ценностей, моделей поведения, которые транслируются внутри университета. Это, в свою очередь, зачастую приводит к аномии, социальной пассивности, абсентеизму или, наоборот, радикализации студенчества.

Принципы новой университетской модели МПивД (вместо заключения)

Проведённое исследование позволяет сформулировать ключевые параметры, на которых может строиться современная модель МПивД в российских университетах.

Во-первых, система высшего образования должна стать пространством, в рамках которого каждый студент может раскрыть и применить свой потенциал. Это, в свою очередь, требует более глубокой дифференциации студенчества, выделения в его среде самых разных групп и сообществ, выстраивания для них различных траекторий профессионального и личностного развития.

Во-вторых, современная модель МПивД должна строиться как региональная. Университет, опираясь на федеральную повестку, может выступать центром «сборки» социализирующих воздействий в регионе, ин-

тегрировав активности различных акторов. В такой ситуации молодой человек окажется в едином информационном, методологическом и технологическом воспитательном «поле», позволяющем существенным образом расширить возможности его самореализации и саморазвития, сохранив при этом единый ценностный базис (заданный государственной политикой).

В-третьих, в университетах должны появиться пространства и активности, созданные не «для студентов», а самими студентами. Такие пространства и проекты позволят молодым людям в режиме реальной деятельности осваивать востребованные компетенции, модели групповой работы, необходимые социальные практики. Это может стать важным механизмом развития субъектности российского студенчества.

В-четвёртых, в университетах должна произойти интеграция обучения и воспитания, что, несомненно, ставит задачу переопределения позиции преподавателя в вузе. В современных условиях он становится не только носителем профессионального знания и исследовательских компетенций, но и важным агентом социализации молодёжи, транслирующим ей определённые ценностные и деятельностные установки.

Литература

1. Nico M. Variability in the Transitions to Adulthood in Europe: A Critical Approach to De-Standardization of the Life Course // Journal of Youth Studies. 2014. Vol. 17. No. 2. P. 166–182. DOI: 10.1080/13676261.2013.805877
2. Schoon I., Silbereisen R.K. (eds.) Transitions from School to Work: Globalization, Individualization, and Patterns of Diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. DOI: 10.1017/CBO9780511605369
3. McLeod J. Vulnerability and the Neo-liberal Youth Citizen: A View from Australia // Comparative Education. 2012. Vol. 48. No. 1. P. 11–26. DOI: 10.1080/03050068.2011.637760
4. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.А. Молодёжь и молодёжная политика в современном российском обществе. М.: Перспектива, 2016. 166 с. ISBN: 978-5-905790-16-4.

5. Жафинова Е.С. Патриотизм как фрейм и технология мобилизации молодёжи России в поддержку современного президентского политического курса // Власть. 2015. Т. 23. № 1. С. 74–78. EDN: WAVRZT.
6. Майборода А., Саблина А., Ясавеев И. Государство для молодёжи или молодёжь для государства: дискурсы молодёжной политики в странах Евросоюза и России // Социологическое обозрение. 2021. № 20 (3). С. 71–97. DOI: 10.17323/1728-192X-2021-3-71-97
7. Томалинцев В.Н., Козлов А.А. Введение в социальную экстремологию: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 220 с. ISBN: 5-288-03671-3.
8. Ярская В.Н., Ловцова Н.И. Молодёжная политика: разные и пока не равные // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 2. С. 151–164. EDN: MSOGDV.
9. Меркулов П.А., Бакалдина Е.С., Елисеев А.А. Государственная молодёжная политика в современной России: инструменты интеграции молодёжи в общественные практики // Власть. 2015. № 10. С. 27–32. EDN: UMYENN.
10. Подъячев К.В., Халий И.А. Государственная молодёжная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 263–276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276
11. Певная М.В. Управление российским волонтерством: сущность и противоречия // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 69–77. EDN: XGVSHТ.
12. Елишев С.О. Социальное манипулирование молодёжью. М.: Канон+, 2019. 336 с. ISBN: 978-5-88373-554-6.
13. Эшвин П. Может ли университетское образование изменить человека? Задачи отображения преобразующей силы высшей школы в сравнительных исследованиях качества образования // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 21–34. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-21-34
14. Мудрик А.В. Воспитание как составная часть процесса социализации // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2008. Т. 10. № 3. С. 8–16. EDN: JXKMTV.
15. Барышников М.Ю., Ващурина Е.В., Чиннова И.И., Шарыкина Э.А., Сергеев Ю.Н. Роль опорных университетов в регионе: модели трансформации // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 8–43. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-8-43
16. Чепуренко А.Ю. Маркс в университете 3.0 // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 26–34. DOI: 10.7868/S0132162518050033
17. Гаврилюк Т.В. Культурный потенциал молодых преподавателей российской провинции: теория и практика исследования // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 102–110. EDN: UAXUGP.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Социализация, идентичность и жизненные стратегии молодёжи в условиях “новых войн”» (№ FZEW-2023-0003).

Статья поступила в редакцию 16.03.2023

Принята к публикации 24.04.2023

References

1. Nico, M. (2014). Variability in the Transitions to Adulthood in Europe: A Critical Approach to De-Standardization of the Life Course. *Journal of Youth Studies*. Vol. 17, no. 2, pp. 166–182, doi: 10.1080/13676261.2013.805877
2. Schoon, I., Silbereisen, R.K. (eds.). (2009). *Transitions from School to Work: Globalization, Individualization, and Patterns of Diversity*. Cambridge: Cambridge University Press, doi: 10.1017/CBO9780511605369
3. McLeod, J. (2012). Vulnerability and the Neo-liberal Youth Citizen: A View from Australia. *Comparative Education*. Vol. 48, no. 1, pp. 11–26, doi:10.1080/03050068.2011.637760
4. Zubok, Yu.A., Rostovskaya, T.K., Smakotina, N.L. (2016). *Molodezh' i molodezhnaya politika v sovremennom rossijskom obshchestve* [Youth and Youth Policy in Modern Russian Society]. Moscow: Perspektiva. 166 p. ISBN: 978-5-905790-16-4. (In Russ).
5. Zharinova, E.S. (2015). Patriotism as a Frame and Technology for Mobilizing the Youth of Russia in Support of the Modern Presidential Political Course. *Vlast' [Power]*. No. 1, pp. 74–78. Avail-

- able at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26177153> (accessed 23.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.).
6. Majboroda, A., Sablina, A., Yasaveev, I. (2021). The State for Youth or Youth for the State: Discourses of Youth Policy in the EU and Russia. *Sociologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*. No. 20 (3), pp. 71-97, doi: 10.17323/1728-192X-2021-3-71-97 (In Russ., abstract in Eng.).
 7. Tomalincev, V.N., Kozlov, A.A. (2005). *Vvedenie v social'nyuyu ekstremologiyu: ucheb. posobie* [Introduction to Social Extremism: Studies. Stipend.]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University publish. house, 200 p. (In Russ.).
 8. Yarskaya, V.N., Lovcova, N.I. (2010). Youth Policy: Different and not Yet Equal. *Zhurnal issledovaniy social'noy politiki = Journal of Social Policy Research*. Vol. 8, no. 2, pp. 151-164. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15105230> (accessed 23.01.2023). (In Russ.).
 9. Merkulov, P.A., Bakaldina, E.S., Eliseev, A.L. (2015). State Youth Policy in Modern Russia: Tools for Integrating Youth into Public Practices. *Vlast' [Power]*. No. 10, pp. 27-32. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24353595> (accessed 23.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.).
 10. Pod'yachev, K.V., Halij, I.A. (2020). State Youth Policy in Modern Russia: Concept and Realities. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya = Bulletin of RUDN University. Series: Sociology*. Vol. 20, no. 2, pp. 263-276, doi: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276 (In Russ., abstract in Eng.).
 11. Pevnaya, M.V. (2016). Management of Russian Volunteering: the Essence and Contradictions. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. No. 12, pp. 69-77. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27639497> (accessed 23.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.).
 12. Elishev, S.O. (2019). *Social'noe manipulirovanie molodyozh'yu* [Social Manipulation of Youth]. Moscow. Kanon+, 336 p. ISBN: 978-5-88373-554-6. (In Russ.).
 13. Ashvin, P. (2016). Why Would Going to University Change Anyone? The Challenges of Capturing the Transformative Power of Higher Education in Comparisons of Quality. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*. Moscow. No. 1, pp. 21-34, doi: 10.17323/1814-9545-2016-1-21-34 (In Russ.).
 14. Mudrik, A.V. (2008). Education as an Integral Part of the Process of Socialization. *Vestnik PSTGU IV: Pedagogika. Psibologiya = Bulletin of PSTGU IV: Pedagogy. Psychology*. Vol. 10, no. 3, pp. 8-16. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11762722> (accessed 23.01.2023). (In Russ.).
 15. Baryshnikova, M.Yu., Vashurina, E.V., Chinnova, I.I., Sharykina, E.A., Sergeev, Yu.N. (2019). The Role of Supporting Universities in the Region: Models of Transformation. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*. Moscow. No. 1, pp. 8-43, doi: 10.17323/1814-9545-2019-1-8-43 (In Russ., abstract in Eng.).
 16. Chepurensko, A.Yu. (2018). Marx at the University 3.0. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. No. 5, pp. 26-34, doi: 10.7868/S0132162518050033 (In Russ.).
 17. Gavriluk, T.V. (2015). Cultural Potential of Young Teachers of the Russian Province: Theory and Practice of Research. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. No. 6, pp. 102-110. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23804546> (accessed 23.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgement. The study was carried out within the framework of the State Task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation “Socialization, identity and life strategies of youth in the conditions of “new wars”” (No. FZEВ-2023-0003).

The paper was submitted 16.03.2023

Accepted for publication 24.04.2023